

Х. М. Бласкес Мартинес

ORIGINES ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ТАРТЕССИЙСКОЕ ЦАРСТВО. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние десятилетия исследователи выдвинули ряд новых теорий об истоках и обстоятельствах зарождения финикийской колонизации на западной оконечности Средиземноморья, имевшей место в конце эпохи бронзы¹.

ФИНИКИЙСКАЯ ПРЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Доктор Х. Альвар, заведующий кафедрой античной истории Университета Карла III (Мадрид), в 1997 г. сформулировал идею о том, что эпохе финикийской колонизации Запада предшествовала эпоха предколонизации². Позже, в 2000 г. он внес уточнение в понятие предколонизации, предложив использовать этот термин как «контакты без господства (*contacto no hegemónico*)», которые характеризуются наличием обмена без захвата территории и без покорения туземных народов, т.е. без прямой эксплуатации ресурсов и без достижения односторонних преимуществ и выгоды. Этот вид взаимодействия был описан Геродотом, греческим историком V в. до н.э.: «Финикияне, по прибытии в упомянутый Аргос, выставили свой товар на продажу и на пятый или шестой день пребывания, когда почти весь товар был уже распродан, на берег моря пришло много женщин и среди них дочь царя; ... в то время как женщины, стоя на корме корабля, покупали наиболее приглянувшиеся им товары, финикийцы, ободряемые друг другом, набросились на них. Большая часть женщин, однако, спаслась бегством, но Ио с несколькими другими была схвачена. Финикийцы подняли их на корабль и поспешно отплыли курсом на Египет» (Herod. I. 1).

Другой способ взаимодействия (собственно колонизационный. – Прим. переводчика), по мнению Х. Альвара, характеризуется систематичностью контактов. Обмену товарами сопутствуют: использование чужого труда посредством порабощения туземного населения и такая организация территории, которая способствовала бы наилучшему контролю над ресурсами и извлечению

¹ *Almagro M. et alii*. Protohistoria de la Península Ibérica. Barcelona, 2001; *Fernández Castro M.C.* Arqueología protohistórica de la Península Ibérica (siglos X a VIII a.C.). Madrid, 1988; *La Edad del Bronce. Primera Edad de Oro en España. Economía e ideología* / Ed. M. Ruiz Gálvez. Barcelona, 2001; *Blázquez J.M.* Fenicios, Griegos y Cartagineses en Occidente. Madrid, 1992. P. 69, 72; *idem*. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente. Salamanca, 1975; *idem*. España Antigua I. Protohistoria. Madrid, 1980. P. 277–388; *Blázquez J.M., Alvar J., Wagner C.G.* Fenicios y cartagineses en el Mediterráneo. Madrid, 1999; *Del Olmo G., Aubet M.E.* Los fenicios en la Península Ibérica I u II. Sabadell, 1986. Поскольку библиография различных аспектов избранной темы весьма обширна, то она будет приводиться в ходе исследования конкретной проблематики.

² *Alvar J.* El problema de la precolonización en la generación de la pólis // *Antigüedad: Religiones y Sociedades*, 8. Huelva, 1997. P. 19–33.

наибольших выгод. Х. Альвар, считает, что предколонизация и колонизация – это не совпадающие друг с другом явления³.

Мы хотим уточнить мнение Х. Альвара в той позиции, что колонизация не обязательно приводит к захвату территории, что со всей очевидностью явствует из примера с Уэльвой, который является весьма показательным для первого этапа финикийской колонизации Запада.

М. Пельсер, известный исследователь поселения в Уэльве, обращает внимание на наличие в городе двух зон, хорошо выделяемых на территории этого крупного центра заключительной фазы эпохи бронзы⁴. Автор называет эту фазу тартессийской предколониальной, начинает ее по крайней мере с IX в. до н.э. и локализует на холмах Сан Педро, Эсперанса, Сементерио Бьехо, Молино дель Бьенто и, возможно, Конкоро и Монкада. Он подчеркивает, что особенностью ее урбанизма являлось сооружение глинобитных хижин. В середине VIII в. до н.э. площадь этого поселения могла достигать 25 га.

В нижней части города расположился типично финикийский эмпорий. Он напоминал эмпорий в Кастильо де Донья Бланка, находившийся в устье Кадисской бухты, напротив Кадикса⁵, или факторию в Секси, располагавшуюся на побережье Гранады. Близ эмпория Уэльвы был обнаружен финикийский некрополь первой половины VII в. до н.э. с захоронениями в алебастровых урнах, помещенных в ямах с возведенными над ними земляными насыпями⁶. Путем обмена финикийцы получали от туземцев различные продукты. В VII в. до н.э. эта часть города Уэльвы превратилась в важную финикийскую колонию, площадь которой равнялась приблизительно 10 га и с населением, которое по расчетам

³ *Idem*. Comercio e intercambio en el contexto precolonial // I Coloquio del Centro de Estudios Fenicios y Púnicos (далее – I CEFYP). Madrid, 2000. P. 27–34; Carrilero M. Economía y sociedad en el sur peninsular en el período orientalizante // I CEFYP. P. 203–214. Финикийцы внедрились на Иберийском полуострове металлургию железа, гончарный круг. Автор датирует период, предшествовавший колонизации, X – серединой VIII в. до н.э., как включающий первые контакты и ранний обмен с финикийцами. См. также López Castro J.L. Formas de intercambio de los fenicios occidentales en la época arcaica // I CEFYP. P. 127–136. По мнению этого автора, аристократический обмен – это больше, чем обмен дарами, и ему соответствуют определенные социальные структуры, которые обуславливают циркуляцию благ. Этот вид обмена мог иметь место в 800–700 гг. до н.э. Обмен с финикийцами осуществлялся туземными элитами в ту эпоху, когда шел процесс их консолидации как господствующего аристократического сословия в Тартессе, Верхней Андалузии, на иберийском Леванте и в Северном Марокко. С «официальными» группами финикийских аристократов должны были прибывать металлурги, ювелиры, кузнецы, гончары, каменотесы и др., чему, как представляется, действительно есть археологические подтверждения. Финикийские аристократы обосновались, как указывает Х.Л. Лопес Кастро, в Тосканосе, Морро де Мескитилья, Абдере и Секси. В зависимости от них действительно могли попасть отдельные слои автохтонного населения. Обменные отношения финикийская аристократия устанавливала лишь с туземными элитами. Обмен был неравным. Финикийцы обменивали продукты высокого качества, как, например, одежду, драгоценности и благовония. Наряду с этим видом обмена существовала эмпориальная торговля, имевшая более широкую социальную основу. Х.Л. Лопес Кастро совершенно справедливо считает, что на этой фазе развития контактов большую роль играли храмы Кадикса и Ликса, а также культ Астарты, патронессы мореплавателей. Культы и святилища эмпориального типа локализуются в городах, основывавшихся финикийцами. Это наблюдение представляется очень справедливым. Эмпориальная торговля должна была способствовать развитию металлургии бронзы и железа, ювелирного дела, костерезного ремесла, распространению вина и оливкового масла. Во второй половине VII – первой трети VI в. до н.э. на Западе возрастает импорт из Центрально- и Восточного Средиземноморья.

⁴ Pellicer M. Huelva tartésica y fenicia // RSF. 1996. XXIV, 2. P. 19–140.

⁵ Ruiz Mata D. El poblamiento fenicio del Castillo de Doña Blanca. Puerto de Santa María, 1990.

⁶ Almuñécar. Arqueología e Historia 1 / Ed. G. Molina Fajardo. Maracena, 1986; Pellicer M. Excavaciones en la necrópolis púnica «Laurita» del Cerro de San Cristóbal (Almuñécar, Granada). Madrid, 1962.

М. Пельисера, достигало 2000 человек. Это население было смешанным, финикийским и туземным, и мирно сосуществовало на едином пространстве. Финикийцы были заинтересованы в приобретении металлов, поставлявшихся им туземцами. Шахты, как, например в дель Серро Соломон, разрабатывались местными жителями⁷, однако технику им привозили восточные финикийцы. Восточный характер носит и тип городской застройки.

Как полагает Х. Альвар, финикийская колонизация по своему происхождению была связана с дворцами, на что вполне однозначно указывает наличие совместных мастерских Соломона и Хирама Тирского в Офире (I кн. Цар. 9. 28. 10, 11–12). Трудники этих предприятий должны были работать как зависимое население. По мнению Х. Альвара, финикийская аристократия являлась единственно способной осуществлять подобного рода деятельность и в заморских странах, поскольку она была связана с дворцами. Она не отождествляла себя с теми автохтонными торговцами, которые выступали партнерами в ходе коммерческой деятельности. Х. Альвар находит доказательство аристократического характера финикийской колонизации в том, что уже самые ранние финикийские поселения были обнесены стенами и что захоронения Трайамара (Малага) и Секси явно принадлежали знатным лицам. Добавим, что архаическая этруская колонизация⁸, как, впрочем, и греческая⁹, также была аристократической

⁷ Blanco A., Luzón J.M., Ruiz D. Escavaciones arqueológicas en el Cerro Salomón. Sevilla, 1970.

⁸ Alvar J. Aristocracia y comercio en la Etruria arcaica / Ed. J. Remesal, O. Musso. La presencia de material etrusco en la Península Ibérica. Barcelona, 1991. P. 35–59. Об этрусско-финикийских взаимоотношениях см. González Bellard C. El comercio etrusco y fenicio. Algunos apuntes // I CEFYR. Madrid, 2000. P. 109–113. Первая фаза архаической финикийской колонизации датируется VIII в. – 640-ми годами до н.э. Второй период продолжался с 640 по 530 г. Котел с протомами с изображением змей (вторая четверть VII в. до н.э.), найденный в гробнице Бернардини из Палестрины (подобно хранящимся в музее Бостона и Лейдена), а также кубки из гробниц Бернардини, Барчерини и Кастьяни из Пренесте и кубки из гробницы Реголини Галасси (Черветери, 650-е годы) относятся к единой мастерской, располагавшейся, вероятно, на Кипре и функционировавшей в эпоху после 700 гг. до н.э. (Karkoe G.L. Phoenician Bronze and Silver Bowls from Cyprus and Mediterranean. Berkeley, 1951; Cristofani M., Martelli M. L'oro degli etruschi. Novara, 1983. P. 85–88, 103–105, 256–257, 268. Fig. 16–18, 39–41). Подобные им кубки конца IX в. до н.э. найдены также в Афинах (Akurgal E. Orient et Occident. La naissance de l'art grec. P., 1966. P. 154. Lám. 39–40. Fig. 103) и в Нимруде (Barnett R.D. Layard's Nimrud Bowls and their inscriptions // Eretz Israel 8. Jerusalem, 1967. P. 1–7; idem. The Nimrud Bowls in the British Museum // RSF. 1974. 2). В конце VIII в. до н.э. Кипр становится одним из этапов в восточной торговле с Западом (Karageorghis V. Ancient art from Cyprus. The Cesnola Collection. N.Y., 2000. P. 180–183. Lám. 297–299 (предметы датируются соответственно 715–710, 675–625, 725–675 гг. до н.э.); издана, опубликованный на стр. 184–190 (табл. 297–299), относятся соответственно к 700, 675–625 гг., к концу VI в., VIII – началу V в., 710–675, 850–750 гг.; см. также Culican W. Cesnola Bowl 4555 and other Phoenician Bowls // RSF 1, 10. 1982. P. 12–32. Lám. VII–XIX). Под влиянием финикийцев сформировалась кипрская торевтика, изделия которой, как предметы роскоши, экспортировались в Этрурию, но не в Тартесс. Единый погребальный ритуал был распространен в Этрурии, Пренесте, Кампании, Саламине на Кипре и в Уэльве. Наряду с развитием экспорта на Запад в его основных центрах вполне могли работать восточные ремесленники, внедрявшие новые технологии в ювелирное дело, например технику зерни, которая получила широкое распространение в Западной Средиземноморье (клад из Алиседы 600-х годов до н.э.), что приводило к заметным усовершенствованиям в местном производстве и обеспечивало ему более высокую рентабельность (примером может служить ситупа из Пикасны 650-х годов до н.э.). Из Сирии прибыла патера, обнаруженная в гробнице Бернардини, детали которой, в частности центральные медальоны, воспроизведены на изделиях Нимруда, Греции и на кубке из Амуртунта. Другая чаша, декорированная фигурами быков и коней, происходит из той же самой мастерской, что и патера (Cristofani, Martelli. L'oro degli etruschi. P. 256–257. Fig. 16–18; P. 264. Fig. 39–40). Есть попытка отнести их к одной из мастерских финикийских ремесленников, которые работали на Западе, где не найдено изделий, выполненных в столь изысканной технике, вероятно, потому, что элита Иберийского полуострова была менее многочисленной и более отсталой. Об этом см. Grass M. Trafics tyreniens archaics. L., 1985; Il commercio etrusco arcaico / Ed. M. Cristofani. Roma, 1985.

⁹ Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 29–39.

по своему характеру. Камера Нефовой гробницы из Тарквиний (Этрурия), датированной концом VII в. до н.э., наводит на мысль о том, что захороненный в ней торговец мог быть этрусским принцем¹⁰.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАДИКСА

Кадикс был самым древним городом, основанным финикийцами на Западе. Античными авторами предлагаются следующие даты его основания. Веллей Патеркул относит это событие к 1100 г. до н.э., чуть позже падения Трои (Vell. Pat. Hist. Rom. 1. 2. 3), происшедшего, судя по античной историографии, в 1184 г. до н.э. Страбон датирует основание Кадикса временем несколько более поздним, чем падение Трои (Strabo. I. 3. 2). Этой же датировки придерживались Мела (Pomp. Mel. III. 46) и Плиний (Plin. HN. XVI. 216).

Д. Руис Мата¹¹, прекрасный знаток археологии Тартесса и эпохи поздней бронзы в Андалузии, много лет ведущий раскопки в Кастильо де Донья Бланка, в 1999 г. высказал предположение о том, что архаический Кадикс в начале VIII в. до н.э. находился в Кастильо де Донья Бланка, а в начале VII в. финикийцы, преследуя свои религиозные, торговые и производственные цели, переместили этот центр на территорию современного Кадикса. Недавние зондажные работы, предпринятые в Кадиксе О. Артеагой и его экспедицией¹², засвидетельствовали, что южная оконечность Пиренейского полуострова была стабильно заселена, по крайней мерс, с IX или даже с X в. до н.э. и что уже в эту эпоху здесь существовало два порта – торговый и внешний. Поэтому о каких-либо перемещениях города говорить не приходится.

РОЛЬ СВАТИЛИЩ В ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Постановка вопроса о значении святилищ в финикийской колонизации была предпринята Х. Альваром. Весьма вероятно, что храм Мелькарта в Тире действительно сыграл очень важную роль, если судить об этом по сведениям Страбона, третья книга «Географии» которого, посвященная Иберийскому полуострову, служит банком знаний об античных народах Испании, поскольку он использовал данные тех авторов, которые лично побывали в стране, – например, Полибия, Асклепиада из Мирлеи, Посидония и Артемидора. Первое, что предприняли финикийцы при основании Кадикса, – это возведение храма в честь Мелькарта¹³: «Вот то, что, как говорят, вспоминают гадитане относительно основания Кадикса: некий оракул дал указание тирийцам возвести поселение у

¹⁰ Moretti C.M. Nuovi monumenti della pittura etrusca. Milano, 1966. P. 198–199; Steingraber S. Catalogo ragionato della Pittura etrusca. Milano, 1985.

¹¹ Ruiz Mata D. La fundación de Gadir y el Castillo de Doña Blanca, contrastación textual y arqueológica // Complutum 10. Madrid, 1999. P. 279–312. См. о финикийской колонизации на Западе: Niemeyer H.G., Schubart H. Hispania Antiqua. Denkmäler der Frühzeit. Maguncia, 2001. S. 275–304; Blázquez J.M. Historia de España Antigua I. Protohistoria. Madrid, 1980. P. 277–388; Aubet M.E. Tiro y las colonias fenicias de Occidente, Barcelona, 1977; La colonización fenicia en Occidente: Estado de la investigación en los inicios del siglo XXI. XVI Jornadas de Arqueología fenicio-púnica (Eibissa, 2001) / Ed. B. Costa y J.H. Fernández. Ibiza, 2002. О влиянии финикийцев на местную культуру см. Blázquez J.M. Mitos, dioses y héroes en el Mediterráneo antiguo. Madrid, 1999. P. 129–146, 175–216, 241–304; idem. Los pueblos de España y el Mediterráneo en la Antigüedad, Madrid 2003, 324–356, 372–416. Cerámicas orientalizantes del Museo de Cabra / Ed. J. Blázquez Pérez. Cabra, 2003.

¹² Arteaga O., Roos A.M. El puerto fenicio-púnico de Gadir. Una nueva visión de la geoarqueología urbana de Cádiz // Spal. Revista de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Sevilla. 2002. 11. P. 21–39.

¹³ Blázquez J.M. Imágen y mito. Estudios sobre religiones mediterráneas e ibéricas. Madrid, 1977. P. 17–28.

Столпов Геракла. Те, которые отправились на исполнение предприятия, достигли пролива, который расположен рядом с Кальпой, и, полагая, что два высоких мыса, образующих пролив, являются пределами обитаемой земли и Гераклова похода, предположили, что именно на этих мысах находятся Столпы, о которых говорил оракул, и бросили якорь в одном местечке чуть ближе Столпов, там, где ныне находится город экситанов. Но так как жертвы, принесенные в этом пункте побережья, оказались неугодными богам, они возвратились назад. Отправленные по прошествии времени посланцы, после пересечения пролива и удаления от него на 1500 стадий, прибыли к острову, посвященному Гераклу и расположенному рядом с иберийским городом Онобой. Предположив, что это и есть Столпы, они совершили обряд жертвоприношения богам; однако поскольку их жертвы вновь оказались неугодными богам, они опять вернулись домой. В своей третьей экспедиции они основали Кадикс и возвели святилище в восточной части острова и город – в западной» (Strabo. III. 5. 5).

На Гибралтаре¹⁴ в VIII в. до н.э. существовало другое святилище, посвященное Мелькарту, и, возможно, еще одно находилось в Уэльве, как об этом свидетельствуют находки в этом городе двух изображений этого божества, подобных обнаруженным в Кадиксе. Святилище из Кастуло (Хазн)¹⁵, датированное VII–VI вв. до н.э. и погребенное под слоем шлака, с алтарем и орудиями труда горняков, помещенными внутри амфоры, – все это, вместе взятое, свидетельствует о контроле, который единолично и монопольно осуществляли святилища такого рода над шахтами. Кастуло располагается в горнорудной зоне, идентичной Кипру, где два изображения божеств в Энкоми представлены восседающими на слитках: одно из них датируется XII в. до н.э., а другое – концом XIII в. до н.э.¹⁶

Меднорудное производство Кипра находилось под божественным покровительством, подобно тому как это имело место на шахтах и рудниках Тимны, в Палестине¹⁷, эксплуатировавшихся в конце эпохи бронзы, а также в горнорудном деле Кеоса (Эгеида). Связь религии с металлургией хорошо прослеживается на примере святилища Мирто-Пигаллеса и храма Афродиты из Пафоса на Кипре. В Китионе святилища были связаны с мастерскими, в которых велась обработка меди¹⁸. Храм I Китиона был посвящен Астарте. Богиня, одно из изображений которой датируется XII в. до н.э. и хранится в *Ashmolean Museum* (Оксфорд), восседает на слитке¹⁹.

М. Белен (из Отдела археологии Университета Севильи)²⁰ занимается исследованием торговли и святилищ финикийского типа Тартессиды. К святилищам, возникшим в ходе финикийской колонизации, относятся следующие.

¹⁴ Belén M., Pérez López J. Gorham's Cave. Un santuario en el Estrecho. Avance al estudio de los materiales cerámicos // Actas del IV Congreso Internacional de Estudios Fenicios y Púnicos II. Cádiz, 1999. P. 531–536.

¹⁵ Blázquez J.M., Valiente J. Cástulo III. Madrid, 1981; Blázquez J.M., García-Gelabert M.P., López Pardo F. Cástulo V. Madrid, 1985; Blázquez J.M., García-Gelabert M.P. Cástulo, ciudad iberorromana. Madrid, 1994. P. 448–456. Об архитектуре этого периода см. *Arquitectura oriental y orientalizante en la Península Ibérica* / Ed. D. Ruiz Mata, S. Celestino. Madrid, 2001; Escacena J.L. Fenicios a las puertas de Tartessos // Complutum. 2001. 12. P. 73–96; Mayer F., Tavares da Silva C. Le site d'phéniciens d'Abul (Portugal), *competit et sanctuaire*. P., 2000.

¹⁶ Karageorghis V. Cyprus from the Stone Age to the Romans. L., 1982. P. 102–104; *idem*. Ancient Cyprus. 7000 Years of Arts and Archaeology. L., 1981. P. 94–95.

¹⁷ Rothenberg B. Timna Valley of the Biblical Copper Mines. L., 1972; Valbelle D., Bonnet Ch. Le sanctuaire d'Hator, maîtresse de la turquoise. P., 1966.

¹⁸ Karageorghis V. Kition. Mycenaean and Phoenician Discoveries in Cyprus. L., 1976. P. 96–107. Lám XIV.

¹⁹ *Ibid.* Fig. 56; *idem*. Ancient Cyprus. P. 95.

²⁰ В частности, см. Belén M., Fernández Miranda M., Garrido J.P. Los orígenes de Huelva. Excavaciones en los Cabezos de San Pedro y la Esperanza // Huelva Arqueológica III. Huelva, 1977.

Серро де Сан Хуан (Кориа дель Рио), датируемое второй половиной VII в. до н.э., с алтарем в виде бычьей шкуры. Это было финикийское святилище, как об свидетельствует использование красно-коралловой цветовой гаммы, типичной для финикийской храмовой архитектуры. Оно возведено на месте другого, более древнего и тоже окрашенного в красный цвет. Предполагается, что святилище Серро де Сан Хуан может быть идентифицировано с *Mons Cassius*, упоминаемым в «Ога магитма» Авиена (О. т. 259), поэта, в 400-х годах посетившего Кадикс, который в то время находился в полном упадке и в котором храм Мелькарта оставался, тем не менее, действующим. Святилище Серро де Сан Хуан было буквально окружено костными останками быков и коров. В связи с этим Х. Майер²¹ защищает тезис о том, что вышеупомянутые кипрские изображения богов восседают не на слитках металла, а на бычьих шкурах. В святилище из Энкоми собрано большое количество букраниев и археологически засвидетельствовано также, что жертвователи и служители культа имели традицию надевать на голову маски быка. Букрании найдены в холле святилища Китиона. Фигуры жертвователей с букраниями на головах обнаружены в Лимассоле и Амадунте (на Кипре)²², они датируются VI в. до н.э. На одной из терракот, найденных в храме Куриона, мы видим двух жрецов или иных участников культа в процессе надевания бычьих масок на головы²³. Букрании обнаружены также в атриуме большого финикийского храма на Кипре²⁴.

Обычай ношения бычьей маски во время культовых действий известен как древний в святилищах Кипра, поскольку соответствующие изображения засвидетельствованы в Вуни начала эпохи бронзы-III²⁵. Находки букраниев, как справедливо указывает М. Белен, приближают нас к пониманию сходства тех ритуалов, которые практиковались в святилище Серро де Сан Хуан, с культурами финикийских святилищ Китиона, однако на Западе пока что не найдено ни одного изображения человеческой фигурки с букранием на голове, несмотря на вероятность влияния Кипра на этот регион²⁶.

Два других финикийских святилища, о которых упоминает М. Белен, находятся в Монтемолине (Марчена). Более раннее из них датируется приблизительно VIII–VII вв. до н.э., а другое – серединой VII – началом VI в. до н.э. В первом в жертву приносили свиней. Этот факт может показаться неправдоподобным, так как известно, что в гадитанское святилище Мелькарта было запрещено вводить свиней (Sil. Ital. Pun. III. 21–23) – в отличие от быков, коров, коз и овец, священные части туш которых употреблялись во время культовых трапез и предлагались божеству, подобно тому как это должно было иметь место в Кастуло.

Эти ритуалы происходят с Востока и им следовали в храме Иерусалима (Быт. 27. 7; 1 кн. Цар. 3.14). В культе важную роль играла керамика, которая была гораздо лучшего качества, чем встречающаяся при раскопках поселения. Она часто декорировалась различными фигурами. В святилище из Кастуло во

²¹ Mayer J. El lingote en rama chipriota o de piel de toro: símbolo de la antigua Iberia // Congreso Internacional «Fiestas de Toro y Sociedad». Sevilla, 2002. Эта интерпретация не покажется удивительной, если принять во внимание ту большую роль, которую бык и его культ играли в древних средиземноморских культурах. El toro i la mediterrania / Ed. A. Rivas. Palma de Mallorca, 2000; Nicolau A. Toros. Imágen y culto en el Mediterráneo antiguo, Barcelona, 2001.

²² Karageorghis. Ancient Cyprus. P. 147.

²³ Ibid. P. 45.

²⁴ Idem. Kition. Fig. 79–81.

²⁵ Idem. Ancient Cyprus. P. 45.

²⁶ Blázquez J.M. Los pueblos del Mediterráneo en la Antigüedad. Madrid, 2000. P. 94–103.

время культа ее разбивали об пол. Не известно, какие подношения содержались в сосудах, возможно, это были жидкости – вино, молоко, амброзия и т.д. В иудейской религии во время жертвоприношений также совершались возлияния (Исх. 29. 40; Числ. 6. 3; 6. 15; 15. 5–7).

В Кармоне обнаружено святилище, датируемое серединой VII – первой половиной VI в. до н.э., которое декорировано красной росписью, типичной для финикийских зданий, и имеет скамьи, пристроенные непосредственно к стенам, как это было у кипрского прототипа. В храме найдены три сосуда – тинахи, орнаментированные по тулову красноватого тона цветами лотоса и крылатыми грифонами – типично восточными мотивами. Обнаружены также ложечки из слоновой кости. М. Белен полагает, что находки в храме питьевых сосудов (типа кубков и больших чаш) свидетельствуют об отправлении таких культов, при которых обычай священного возлияния играл важную роль. Считается, что жидкостью для возлияний должно было служить вино²⁷.

Факт существования этих финикийских святилищ свидетельствует о том, что финикийцы использовали их в своих торговых целях и что они были хорошо распределены на путях, которые вели к местам добычи и производства искомой продукции. Святилище Кадикса должно было функционировать как *Карит*, и этим можно было бы объяснить находки вотивов в святилищах Деспеньяперроса (Хаэн), включающие фигурки мужчин в длинных одеждах и с такими прическами, какие носили жрецы гадитанского храма Мелькарта и как их описал в конце I в. Силий Италик (Pun. III. 25–29).

Святилище Мелькарта в Уэльве было связано, как кажется, с контролем над добычей атлантической меди. Святилища Серро де Сан Хуан и Кармоны охраняли, вероятно, добычу металлов Сьерры Морены и их доставку в Кадикс по реке Гвадалквивиру. Нельзя исключить того, что это были культовые сооружения финикийцев, вклинивавшиеся в зону обитания их сородичей из числа колонистов, занимавшихся сельским хозяйством.

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Существование финикийской колонизации аграрного типа в Кармоне защищалось еще Л. Бонсором, в последние годы Х. Альвар и К. Вагнер утверждают о таком же типе колонизации на побережье Малаги. Такие превосходные знатоки культур конца эпохи бронзы и, в частности, тартессийской, как М. Пельсер и Д. Руис Мата, отрицают эту идею. Нам представляется вполне вероятным, что финикийская колонизация действительно распространила свое влияние по Серрания де Ронда и малагскому побережью. Одним из городов, возникших в ходе этой колонизации, могла быть Севилья (*Hispalis*), которая в Эль Карамболо должна была иметь большой дворец, аналогичный дворцам Востока, или большое святилище. Изделия из керамики и бронзы, которые в недавнем прошлом считались принадлежащими к тартессийской культуре, сегодня трактуются по большей части как продукт финикийской колонизации. В среде туземцев, главным образом среди местной знати, должна была существовать сильная аккультурация. Ассирийское давление на Сирию и Финикию (походы Салманасара III (858–824) в Финикию с захватом Тира²⁸; нашествие на Хацуцу, военная

²⁷ В культе Угарита вино играло важную роль: *Zamora J.A.* La vid y el vino en Ugarit. Madrid, 2000. P. 531–645.

²⁸ *Pritchard J.B.* The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament. Princeton, 1969. P. 290–291. Fig. 351–355; *Barnett R.D., Lorenzi A.* Assyrische Skulpturen. Recklinghausen, 1975. S. 43.

кампания на севере Сирии против Дабигу, атака на сирийский город Хаммат²⁹ и разграбления храма Астарты, нашествие ассирийского правителя Синаххериба (704–681) на Лакис³⁰) могут вполне убедительно объяснить факт прибытия на Запад большого отряда колонистов с Востока.

ПОСТАВКИ МЕТАЛЛОВ

Для нас совершенно ясно, что финикийцы прибыли на Запад в поисках металлов. Диодор Сицилийский (5. 35. 3) утверждает, что финикийцы наводнили металлами Грецию, Азию и все регионы Востока, и это вполне очевидно.

Этот аспект проблемы, принципиально важный в исследовании вопроса об обстоятельствах и побудительных мотивах появления финикийцев и греков на Западе, основательно изучил Х. Альвар³¹. Среди податей, которые финикийцы платили ассирийскому монарху Тиглат-Паласару I (1111–1079), не упоминаются металлы, вероятно, потому, что финикийская колонизация Запада еще не началась. Ашшурназирпал в первой половине IX в. до н.э. взимал с финикийцев (наряду с другими товарами, как, например, разноцветные ткани финикийского производства) налоги в виде золота, серебра, олова и бронзы, всех тех металлов, которые могли прибывать с Запада. Салманасар III получал от финикийцев, помимо синей и красной парчи, золото, серебро, олово и медь, которые также могли ввозиться с Запада. Тиглат-Паласар III получил от финикийцев 150 талантов золота.

Как подчеркивает Х. Альвар, и мы сами несколько раз настаивали на этом, финикийцы приобретали эти металлы на Западе. Страбон сообщает (III. 2. 8), что во времена императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) ни серебро, ни золото, ни медь, ни железо в их природном состоянии не встречались ни в какой другой части земли в таком изобилии и такого превосходного качества, как на Иберийском полуострове. По мнению Х. Альвара, исследовавшего эту концепцию, металлы, которые были вручены финикийцами Ашшурназирпалу в начале IX в. до н.э., относятся к эпохе, предшествующей наиболее ранним свидетельствам финикийского присутствия на Западе. Однако мы не считаем этот аргумент абсолютно точным, поскольку в Кадиксе есть материалы IX и, возможно, X в. до н.э., а на побережье Малаги были найдены два сосуда из Тира столь же раннего времени. К тому же не следует делать выводы о политико-торговом союзе Хирама Тирского и Соломона на основе неисторических фактов. Иного мнения по этому поводу придерживается М. Кох³², считающий, что наличие в царстве Соломона больших запасов золота и серебра, о которых сообщает Библия (Лев. 8. 11; 10. 9; 1 кн. Цар. 6. 15–18; 2 кн. Цар. 8. 10–12; Числ. 31. 50–52; кн. Суд. 8. 24–26 и др.), нельзя объяснить без учета возможности их импорта с Запада. Однако этот аргумент лишен смысла. От Иерусалима эпохи Соломона до сих пор ничего не найдено. Все как будто бы указывает

²⁹ Pritchard. Op. cit. P. 291–293. Fig. 356–366.

³⁰ Ibid. P. 293–294. Fig. 372–374.

³¹ Alvar J. Interacción económica y social de los fenicios en la Tartésida / Ed. F. Wulff, G. Cruz Andreotti y C. Martínez Mata. II Congreso de Historia Antigua de Málaga. Comercio y Comerciantes en la Historia Antigua de Málaga (siglos VII/VI a.C. – año 7/1 d.C.). Málaga, 2001. P. 11–37.

³² Koch M. Zur frühen jüdischen Diaspora auf der Iberischen Halbinsel // Homenaje a A. García y Bellido III. Madrid, 1977. P. 225–254; *idem*. Tarschich und Hispanien // MF 14. Madrid, 1984. О проблеме историчности Библии см. Silberman N.A. Le trace di Mosè. La Bibbia tra Storia e Mito. Roma, 2002; Liverani M. Oltre la Bibbia. Storia antica di Israele. Roma–Bari, 2003; Langhlin J.C.H. La arqueología y la Biblia. Barcelona, 2001.

на то, что речь идет о вымысле более позднего времени относительно царствования Соломона.

Из работ Х. Альвара и К. Вагнера о финикийцах как поставщиках металлов явствует, что Анатолия поставляла им серебро, железо, олово и свинец. Финикийцы часто бывали в Южной и Центральной Анатолии начиная с IX в. до н.э. Из Малой Азии и Кипра они ввозили железо и медь, а из Эгеиды – серебро. Х. Альвар полагает, что деятельность финикийцев на Западе, направленную на добычу металлов, следует рассматривать как дополнявшую их торговлю и ее структуры.

ПРИЧИНЫ ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Одна из причин этой колонизации, выявленная Х. Альваром (и мне она кажется приемлемой), состоит в том, что аристократия Финикии оказалась оторванной от рычагов политического руководства и начала искать способы для осуществления контроля над системой производства и средствами коммуникации. На это намекает пророк Исайя (Ис. 23. 8).

СТЕЛЫ С ГРАВИРОВАННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

О назначении этих стел существуют различные интерпретации, имеющие отношение к содержанию нашего исследования. По мнению С. Селестино, раскопщика трех финикийских святилищ в Канчо Роано³³, некоторые стелы, происходящие из южного ареала междуречья Гвадианы и Гвадалквивира, должны были отражать наиболее ранние системы контроля, поскольку на них есть круглые углубления, выгравированные в каких-либо пограничных зонах композиции и изолированно друг от друга либо рядом со стоящим воином. Пять таких углублений имеется на стелах из Сарсы Капилья, Эспаррагосы де Ларес I и II, Кабесы дель Буэй III, Бенкеренсии де ла Серрена, Аламильоса и Оливенсы; они помещены на одном из краев стелы и рядом с воином (Навалвильяр де Пела, Эль Висо II, Магасела, Эсиха III, Педро Абад). На стеле из Фуэнте де Кантос насчитывается семь углублений, рассредоточенных по отношению друг к другу. Имеются парные углубления (стелы из Педро Абад и Эспаррагосы де Ларес II), ассоциирующиеся с изображениями людей. Трижды встречаются парные углубления на стеле из Оливенсы.

С. Селестино трактует эти изображения как принадлежащие к системе мер и весов и сопоставляет их с обнаруженными в Канчо Роано, где начиная с VI в. до н.э. функционировали три различные весовые системы. Все они появились еще в эпоху бронзы. Подобные им изображения найдены также в Кортихо де Эвора, Рио Тинто 700-х годов и Монте до Триго (Бейра Альта, Португалия). На Ибиссе такие же гирьки датируются предмонетной эпохой. Приведенные экземпляры, по мнению С. Селестино, типичны для стел с высокой степенью схематизации изображений и датируются концом VIII в. до н.э., поэтому они синхронны эпохе расцвета финикийской торговли. С их помощью контролировались продукты высокого качества, например природное золото, которое обменивалось на товары торговцев, прибывавших с южного побережья полуострова. Начиная с ориентализирующего периода гири и весы можно рассмат-

³³ *Celestino S. Estelas de guerrero y estelas diademas. La precolonización y la formación del mundo tartésico. Barcelona, 2001. P. 211–232; Blázquez J.M. Fenicios y Cartagineses en Occidente. P. 137–182; Fernández Castro M.C. Arqueología protohistórica. P. 271–299.*

ривать как свидетельство существования торговли с финикийцами, однако при этом сохранялись нормы, свойственные туземному обмену.

В ряде случаев на стелах есть другие важные элементы, как, например, изображения колесниц и зеркал. Колесницы выгравированы на 21 стеле, т.е. в 21% случаев от общего количества известных стел. Их нет в Сьерра де Гата и на ее отрогах, что может служить свидетельством их более глубокой древности. Из района среднего течения Тахо и параллельных ему гор происходят шесть стел с колесницами, т.е. 30% от общего количества. Повозка является своего рода дополнением к основному изображению на стелах из Алькантары I и II и Торрехона Эль Рубио I. В изображениях на стелах Соланы де Кабаныяс, Сарсы де Монтанчес и Лас Эренсиас I колесница играет более важную роль. Колесницы представлены также на стелах, найденных в долинах Гвадианы и Сухара. Они встречаются на 10 стелах из 30, т.е. в 33% случаев. На 3 стелах из 15, происходящих из долины Гвадалквивира, изображен воин. В отдаленных районах региона колесницы регистрируются лишь на стелах из Капоте и Фуэнте де Кантос.

С. Селестино выводит происхождение этих колесниц из микенского мира, а не из геометрического периода. Он подчеркивает, что испанские экземпляры не связаны с атлантическими или центральноевропейскими прототипами. По мнению Ф. Кесады³⁴, они однозначно происходят с Востока и их привезли финикийцы. Нам думается, что четырехколесная повозка, относящаяся к гробнице из Уэльвы, – это финикийский экземпляр VII в. до н.э., о чем свидетельствуют четыре головы льва, которые его украшают и повторяются на колеснице, найденной в захоронении 79 из кипрского Саламина³⁵ и датированной VIII в. до н.э., хотя в последнем случае речь идет о шести головах. Голова льва, изображенная на задней части повозки, служит украшением одного из кипрских сосудов бирюзового стиля–IV³⁶.

Повозка с четырьмя колесами из Уэльвы аналогична экземпляру из гробницы Реголини Галасси (ныне хранится в Этрусском музее Ватикана), датированному VII в. до н.э., и ранее упомянутому экземпляру из гробницы 79 Саламина на Кипре. Это четырехколесные погребальные колесницы, как и те, которые изображены на дипилонской керамике из Афин.

С. Селестино полагает, что колесницы, воспроизведенные на испанских стелах, не являются ни военными, ни транспортными и не служили для перевозки покойных. Он связывает их с верованиями в возможность совершения путешествия в загробный мир. Эта идея кажется неприемлемой по хронологическим причинам. Ведь в путешествия в загробный мир не верили ни финикийцы, ни греки эпохи колонизаций³⁷. Этруски оформили это верование позже. Самая древняя погребальная колесница Этрурии происходит из Пьетры Заннони кон-

³⁴ Quesada F. Datos para una filiación egea de los carros grabados en las «estelas del suroeste» // Congreso Internacional de Estelas Funerarias. Soria, 1994. P. 179–187; Blázquez J.M. Fenicios, Griegos y Cartagineses en Occidente. P. 110–136. «Карета» бронзовой колесницы из Мериды следует кипрскому прототипу (Blázquez J.M. Bronces de la Mérida prerromana / Ed. A. Blanco. Augusta Emerita. Actas del bimilenario de Mérida. Madrid, 1978. P. 11–14. Lám. I–II, VI–VIII.

³⁵ Karageorghis V. Salamis in Cyprus. Homeric, Hellenistic and Roman. L., 1969. Fig. 37–39.

³⁶ Karageorghis V., Gagniers J. des. La céramique chypriote de style figuré. Age du fer (1050–500 a.J.C.). Roma, 1974. P. 30.

³⁷ Blázquez J.M. Imágen y mito. Madrid, 1990. P. 114–158. О роли коня в погребальном ритуале см. Ruyt de F. Charunt démon étrusque de la mort. Bruxelles, 1994. P. 42–68; Kurtz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971; Vermeule E. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley, 1979.

ца VII в. до н.э. Покойный помещен за спиной возничего. По мнению Ф. Кесады, наибольшего в Испании авторитета в области изучения древнейшего вооружения и колесниц, стелы с испанскими повозками датируются VIII–VII вв. до н.э., а их прототипы должны были прибыть из Эгеиды. Тезис Ф. Кесады о связи колесниц с аристократами представляется вполне приемлемым (например, этруская колесница VI в. до н.э. из Монтелеоне). Колесница из Этрурии великолепно изукрашена пластинками с изображенными на них сценами, обязательно погребального содержания. В этом состоит отличие нашей оценки от мнения Ф. Кесады, который связывает колесницы с остальными предметами, воспроизведенными на стелах. Эти изображения являются средиземноморскими и восточными, как на это указывает стела из Атегуи. На северо-западе иберийского мира действительно, как отмечает Ф. Кесада, отсутствуют следы дворцовых сооружений XI–VIII вв. до н.э., в которых могли бы находиться арсеналы боевых колесниц, мастерские для их ремонта или какие-либо иные структуры, хоть как-то связанные с существованием боевых колесниц. Этот тезис следует подчеркнуть особо, поскольку современными раскопками в Эль Карамболо (Севилья) обнаружены руины большого дворца, однако нет никаких намсков на то, что при нем имелись колесницы. Колесницы с воинами есть на Кипре. Испанские экземпляры могли использоваться во время каких-либо культовых церемоний, как и этрусские колесницы из Капуи, Вульчи, Остерии, Популонии, Кастель Сан Мариано и др.³⁸

Щиты с выемкой в виде буквы «V», которые засвидетельствованы на 39 стелах (из 67 известных ныне), являются восточными по своему происхождению, как это было определено Гестлундом в 1967 г. и еще раньше, в 1957 г., Данбэбиньм. Их привезли, скорее всего, финикийцы. Шлемы с рогами, изображенные на испанских стелах, также должны быть восточного происхождения. Они встречаются в районе Сухара и Гвадианы. В долине Гвадалквивира они зарегистрированы пока только в Эсихе I и II. Эти шлемы подобны тем, которые носили воины Сардинии в VIII–VII вв. до н.э.³⁹ и появление которых связано с финикийцами. Они синхронны шлемам с рогами испанских стел.

Другим предметом, привезенным финикийцами на Запад и воспроизведенным на испанских стелах, являются зеркала. В районе Сухара-Гвадианы найдено 9 стел (из 20 экземпляров) с изображением зеркал, в долине Гвадалквивира известно 6 (из 9) стел с подобным изображением. С. Селестино вполне справедливо выводит их истоки из Средиземноморья. Одно зеркало было найдено в захоронении из Алиседы (Касерес), датирующемся приблизительно 600-ми годами до н.э. Оно находилось вместе с предметами, которые по своей технике и тематике однозначно являются финикийскими. Это, в частности, пояс, подвески и кувшин из горного хрусталя, происходящий из Северной Сирии. На сирийских погребальных рельефах типа Мараша конца VIII в. до н.э. также есть изображения людей с зеркалами⁴⁰.

³⁸ *Carrì da guerra e principi etruschi* / Ed. A. Emiliozzi, Milano, 2000. В Этрурии известно несколько изображений подобного типа. Изображения колесниц с умершими найдены в Пьетре Заннони (конец VII в. до н.э.). Перед умершим помещен возничий. На стелах второй половины V в. до н.э., извлеченных с территории спортивного комплекса Болонья, представлен умерший, отправляющийся в загробный мир в сопровождении крылатого демона (*Emiliozzi*, *Op. cit.* P. 41, Fig. 11). В Астеропе Аухерно найдена стела второй половины IV в. до н.э. с фигурой крылатого демона, парящего над колесницей (*Ibid.* P. 50, Fig. 3).

³⁹ *I Sardi della Sardegna dal Paleolitico all'età romana* / Ed. E. Anati, Milano, 1985. *Passim*, Fig. 116–118, 120–121.

⁴⁰ *Akurgal E. Orient et Occident. La Naissance de l'art grec.* P., 1969, Fig. 28.

Э. Аккаро⁴¹ вслед за С.Ф. Бонди подверг исследованию древнейшие контакты финикийцев с Сардинией, которые очень сходны с западносредиземноморским вариантом. Автор полагает, что в предколониационный период финикийцы не связывали приобретение металлов с прямым контролем над источниками сырья. Они осуществляли эту функцию посредством установления союзнических взаимоотношений с обитателями нураг, которые самостоятельно контролировали эти металлы. Бронзовые изделия, треноги и канделябры IX–VII вв. до н.э., найденные в нурагах, следует рассматривать не как финикийскую продукцию, поставлявшуюся в обмен на металлы, а как символы дружбы финикийцев по отношению к тем туземным обитателям, которые относились к одному с ними социальному статусу. Эти изделия должны были предвещать прибытие профессиональных торговцев, представителей финикийской городской аристократии. П. Бартолони полагает, что, по крайней мере, с конца XIV в. до н.э. на Сардинии существовал торговый путь, функционировавший вплоть до конца VIII в. до н.э. и по своей географии отличавшийся от того, который широко использовался торговцами северного побережья Сирии в середине VIII – начале VII в. до н.э. В XII – первой половине IX в. в этих плаваниях принимали участие торговцы с северного побережья Сирии – из Аль Мины, Рас Эль Башита, Рас Ибн Ханы и Тель Сукаса, к которым, вероятно, присоединялись обитатели Ашдада, Аскалона и/или Секедеша. Вполне возможно, что все они прибыли на Сардинию в эпо-

⁴¹ Э. Аккаро (*Acquaro E. Miniere e Metallurgia nella Sardegna fenicia e punica // I CEFYP, P. 93–108*) резюмирует концепцию С.Ф. Бонди о Сардинии: «Обеспечение металлами со стороны финикийцев в предколониационную эпоху не основывается на прямом контроле над источниками их производства, а происходит путем установления ассоциативных контактов с нурагическими обществами, осуществлявшими этот контроль. Бронзовые изделия (треножки и канделябры, встречающиеся в нурагических контекстах IX–VII вв. до н.э.) должны интерпретироваться не как финикийские дубликаты, предназначенные для приобретения металлов, а, возможно, как материалы, которые наводят на мысль о сотрудничестве участников контактов единого для них региона и на их принадлежность к одному и тому же социальному статусу. Судя по идеологическому значению наиболее древнего импорта Сардинии, можно говорить, что он свидетельствует о прогрессивном росте инициативы профессиональных торговцев, выражавших интересы городской аристократии». Эти идеи прекрасно применимы по отношению к Западу (*Bondi S.F. I fenici in Occidente // Forme di Contatto e Processi di Trasformazione nelle Società Antiche (Cortona, 1981). Pisa–Roma, 1983. P. 379–407*). П. Бартолони (*Baroloni P. La Sardegna crocevia del Comercio fenicio. Roma, 1965. P. 105–108*) защищает тезис о том, что, по крайней мере с конца XIV в. и вплоть до середины VIII в. существовал путь, отличный от того, который был известен для второй половины VIII – середины VII в. до н.э. Между XII – первой половиной IX в. в предприятиях принимали участие торговцы северосирийского побережья, Аль Мины, Рас Эль Башита, Рас Ибн Ханы или Тель Сукаса, к которым следует причислить торговый люд Ашдада, Аскалона, Секедеша. Все они вели торговлю в предколониационный период, и мы думаем, что они осваивали Запад как следствие великого рассеяния Народов моря, которые должны были прибыть и на Запад. Последовательными этапами этих плаваний (если судить по находкам многочисленных сосудов нурагического происхождения, датирующихся XII–VIII вв. до н.э.) являлись Тарс, Родос и южное побережье Крита, Кифера с сс святилищем Астарты, Аскалон, побережье Пелопоннеса (через Отрантский пролив), побережье Калабрии и Мессинский пролив. Этот путь был закрыт для финикийцев во второй половине VIII в. до н.э. основанием Занклы и Регия. Сардиния, посещавшаяся микенцами, превратилась в стратегический пункт на пути к Тартессу. Сан Инуберина, находившаяся близ сребряных копей, была первым нурагическим поселением, которое начали посещать с первой половины VIII в. до н.э. восточные торговцы, взяв с собой финикийские амфоры. Ант поддерживал торговые контакты с ними в X–IX вв. Наиболее посещаемой была та часть побережья, на которой имелись запасы руд, являвшихся основным объектом интереса финикийцев. Наличие у Сульчи и Сини территорий указывает, что, как и на Западе, финикийцы имели здесь аграрные интересы. Приблизительно к середине VIII в. до н.э. Сардиния стала важнейшим транспортным узлом между Северной Африкой, Этрурией и Западом. В IX в. финикийская деятельность была исключительно торговой и с VIII в. – колониальной. То же самое должно было иметь место на Западе.

ху великого рассеяния Народов моря. Этот путь проходил по киликийскому Тарсу, Родосу, южному побережью Крита, Кифере, пелопоннесскому побережью, через Отрантский канал, вдоль побережья Калабрии и через Мессинский пролив.

Сардиния была ключевым пунктом финикийцев в их плаваниях в Тартесс. Путь, который вел их в Сардинию, имел перекрестками греческие колонии Занклу и Регий. Первым нурагическим поселением, которое в первой половине VIII в. до н.э. посетили финикийцы, является Сан Инуберина. Побережье Сардинии, богатое металлами, было наиболее посещаемым ими. Бывали они и в районе Сульчи, благоприятном для занятия сельским хозяйством.

ФИНИКИЙСКИЙ ЭКСПОРТ НА СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ЗАПАД

Финикийцы привезли на Запад различные продукты, ряд которых вошел и в XXI век, как, например, оливковое масло и вино. Возможно, что благодаря им западные общества узнали таких домашних животных и птиц, как ослы и куры, познакомились с использованием пурпура, научились расписывать керамику. От финикийцев могли получить свое распространение письмо, засвидетельствованное на Западе в 700-х годах до н.э. (граффити из Уэльвы), и многочисленные мифы. С финикийцами связаны также такие достижения, как использование светильников для освещения, изготовление цветных и вышитых тканей, внедрение гончарного круга, различных технологий получения металлов, освоение железа, техники изготовления ювелирных изделий (например, гравировка и чеканка) и резьбы по кости, применение парфюмерии и т.д.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФИНИКИЙСКОЙ ПРЕДКОЛОНИЗАЦИИ

Первым испанским исследователем, который проявил интерес к идее финикийской предколониализации, был, как уже отмечалось, Х. Альвар. За ним последовали М. Герреро, М. Альмагро Горбеа⁴² и автор настоящей статьи. Эта идея способна объяснить характер наиболее ранних плаваний финикийцев на Запад и в Атлантику, осуществлявшихся по тем средиземноморским итинерариям, которые были открыты еще Народами моря.

Известны различные элементы предколониационной деятельности – памятники материальной культуры, технологические, социальные и идеологические инновации, престижное оружие, пиршественная сервировочная утварь, новые погребальные культы и ритуалы, воспринимавшиеся элитами. Наиболее ранние восточсредиземноморские изделия Пиренейского полуострова датируются XII в. до н.э. Это топоры с прямой рукоятью из Мора, каменные плиты из португальского Алентехо, тесла архаической формы, датируемые эпохой поздней бронзы-I и II, наконечники копий с извилистым краем, бронзовые клинки, напоминающие ножи конца микенского-III периода. За ними следуют такие кипро-сиро-финикийские предметы, относящиеся к концу II или началу I тыс. до н.э., как пиршественная утварь начала I тыс., чаши типа Берсокана (Касерес, Экстремадура), которые следуют финикийским образцам, вертела типа Амагунта, крюки для подвешивания туш типа Солобейры или дужки ведер. Все вышперечисленное может иметь кипрское происхождение. М. Альмагро Горбеа датирует наиболее древние щиты с V-образной

⁴² *Guerrero M. Intercambio y comercio en las Baleares (c. 1100–600 B. C.) // I CEFYP. P. 35–53; Almagro Gorbea M. La precolonización fenicia en la Península Ibérica // I CEFYP. P. 711–721.*

выемкой X в. до н.э., отмечая при этом, что они являются более ранними, чем найденные в Риа де Уэльва мечи и племы, которые относятся к этому же столетию. В эту эпоху наблюдается рост связей с Восточным Средиземноморьем, о чем свидетельствуют коленообразная фибула с перегородкой (типа найденных в Риа де Уэльва), наибольшее количество находок щитов с V-образной выемкой и колесница, параллели которой известны в Энкоми. Приблизительно VIII в. до н.э. датируются склад изделий из Сеньора де Гио, состоящий из бронзовых сосудов и различных предметов кухонного назначения, и ритуальные повозки сиро-киприотского типа. М. Альмагро Горбеа интерпретирует их как свидетельства тех финикийских контактов, которые, начавшись после 1000-х годов до н.э., продолжались до финикийского колониационного этапа, и это представляется вполне резонным. Последние из вышеназванных памятников доказывают, что существовало культурное финикийское койнэ, которое было унаследовано от постмикенского мира и от Народов моря.

ФИНИКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НА ИБЕРИЙСКОМ ЛЕВАНТЕ И АТЛАНТИЧЕСКОМ ПОВЕРЕЖЬЕ

Одним из наиболее важных открытий последних десятилетий является обнаружение финикийских поселений на восточноиберийском и атлантическом побережьях. Финикийское поселение Ла Фонтета (Гуардамар де Сегура, Аликанте) датируется VIII–VI вв. до н.э.⁴³, защищено стеной с тремя рядами кладки и бастионами 15-метровой высоты, а также контрфорсами из кирпичасырца. Экономика поселения базировалась на металлургии, о чем свидетельствуют печи и шлаки (отходы производства железа, серебра и меди) VIII в. до н.э. Непосредственно на побережье, судя по находкам стел и различных архитектурных элементов, должны были существовать святилище городского типа, некрополь и тофет. Керамика происходит из Финикии, Карфагена, Сульчи и Греции, и это обстоятельство указывает на наличие прямой торговли.

В устье Эбро также найдены различные финикийские предметы, являющиеся продуктами торговли. В своих торговых предприятиях финикийцы использовали суда типа представленных в виде вотивов из Цергурле⁴⁴, которые, в свою очередь, напоминают грузовые суда, изображенные на рельефе Синахериба (ныне хранится в Британском музее), или подобны судам для транспортировки дерева, известным по рельефу Саргона II, либо тем, которые представлены на вратах Балавата покидающими Тир⁴⁵. Они могли быть аналогичными и кораблям, воспроизведенным в большом финикийском святилище Китиона, датирующемся IX в. до н.э.⁴⁶ Два финикийских судна были обнаружены в Масарроне (побережье Мурсии, Испания)⁴⁷.

Большим прогрессом в исследовании проблемы финикийской колонизации на Западе явилось обнаружение следов присутствия финикийцев на атланти-

⁴³ González Prats A., Ruiz E. El yacimiento fenicio de La Fonteta (Guardamar del Segura. Alicante). Valencia, 2000.

⁴⁴ Blázquez J.M. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente. Lám XC.

⁴⁵ Pritchard J.V. The Ancient Near East. P. 262. Fig. 108–109.

⁴⁶ Karageorghis V. Kition. P. 99. Lám 73.

⁴⁷ Negüerueta I. Managing the maritime heritage: the National Maritime Archaeological Museum and National Centre for Underwater Research, Cartagena, Spain // The International Journal of Nautical Archaeology. 2000. 29. P. 179–198; Negüerueta I. et alii. Descubrimiento de los barcos fenicios de Mazarrón (Murcia) / Ed. M. E. Aubet y M. Barthélemy. IV Congreso Internacional de Estudios Fenicios y Púnicos (Cádiz 1995). Cádiz, 1995. P. 1671–1679.

ческом побережье (Пиренейского полуострова. – *Прим. переводчика*). Имеются в виду археологические находки из Кастро Мария, Роча Бранка, Кастело де Алькосер до Сал, Абул, Сетубал, Альмарас, Лисбоа (Лиссабон), Сатарем, Санта Олайя и Конимбрига (Коимбра).

Абул – это здание прямоугольной планировки, с большим центральным двором, окруженным различными хозяйственными и служебными постройками, и еще с одним свободным пространством прямоугольной формы, вплотную примыкавшим к одной из стен здания. Прототип этого сооружения происходит с Востока. Здание располагается в устье реки Садо и приблизительно на одинаковом расстоянии от туземных центров Сетубал и Алькосер до Сал, в которых зафиксировано присутствие финикийцев. Основным видом экономической деятельности Абула была торговля, что доказывается обилием импортной керамики. Здание пережило несколько строительных периодов. Способ наиболее ранней застройки (вторая четверть или середина VII в. до н.э.) соответствует не местным архитектурным сооружениям конца эпохи бронзы, а образцам из сиро-палестинского региона. Здание было торговым по своему назначению. Речь идет о финикийской фактории, связанной с Кадиксом, откуда импортировалась керамика.

Теория финикийской предколониализации, как уже было отмечено, отрицается некоторыми испанскими специалистами (например Д. Руисом Мата). К. Вагнер⁴⁸ немного оттенил эту теорию, назвав предколониальную торговлю торговлей на дальние расстояния. Тир (еще до X в. до н.э. и вплоть до эпохи пророка Иезекииля, который начал свою деятельность в 593 г. до н.э. и осуществлял ее до 571 г.) всегда нуждался в продуктах питания и Запад не был в состоянии удовлетворить его потребности в них. К. Вагнер говорит о том важном значении, которого достиг дворец (или храм) в Абуле в поставках чужеземной экзотической продукции, отдав торговые преимущества торговому сектору. Финикийская экономика в своих взаимоотношениях с туземцами соответствовала потребностям элит. Колонизация рано побудила к развитию ее городской вариант и обусловила становление многоотраслевого производства. Эти соображения нам представляются оправданными. К. Вагнер, базируясь на данных метода С 14, поднимает хронологию до IX в. до н.э., что нам кажется вполне вероятным.

В связях финикийцев с Тартессом торговля металлами сыграла важную роль, но она базировалась на неравноправном взаимообмене. Финикийские торговцы приобретали большие количества металлов в обмен на товары, каковыми могли быть вино, оливковое масло или ткани.

Эти заслуживающие доверия идеи К. Вагнера опираются на сообщения греческих писателей – Диодора (5. 35. 4–5), сведения которого исходят из информации Посидония, посетившего приблизительно в 100 г. до н.э. (или чуть позже) Кадикс для изучения феномена морских приливов и отливов, Тимея, Псевдо-Аристотеля (Mir. 135) или Страбона (III. 5. 11). Финикийская колонизация, по мнению К. Вагнера, была хорошо продумана и зависела от внутренней ситуации финикийских городов. Она должна была начаться с прибытия финикийцев в район Столпов Мелькарта (Strabo. III. 5. 5; Pomp. Mel. 3. 6. 46) и совпасть с эпохой правления Хирама Тирского (969–936 гг.). Цитированный выше текст Страбона связывает древнейшие финикийские основания Запада с городом Тиром, его правителем и его храмом Мелькарта. Финикийцы считали, что они

⁴⁸ Wagner C. Comercio lejano, colonización e intercambio desigual en la expansión fenicia arcaica por el Mediterráneo // I CEFYP. P. 79–91.

прибыли в крайние пределы известного в те времена мира, которые в своих путешествиях посетил Мелькарт. К. Вагнер настаивает на особой роли дворца города Тира в освоении Запада и считает Кадикс зависимым от него городом. Оба утверждения представляются весьма правдоподобными. Неравноправная торговля финикийцев привела к социальной дифференциации туземного общества.

ТАРТЕСС

О характере Тартессийского царства были высказаны различные теории⁴⁹. Мы идентифицируем Тартесс с историей ориентализирующего периода на Западе. Тартессийское царство должно было явиться продуктом аккультурации туземцев, которая произошла под влиянием финикийских торговцев, заселивших юг Иберийского полуострова. Этот тезис развивался во многих работах моими учителями А. Гарсиа-и-Бельидо⁵⁰ и А. Бланко⁵¹.

Ориентализирующий период недавно был подвергнут исследованию М. Пельисером⁵². Свой важный труд он начал с анализа письменной традиции об олове и золоте Запада. Очень важно обратить внимание на мнение М. Пельисера о том, что факты отсутствия в Тартессе экспортного олова и, напротив, большие запасы того его вида, которое было необходимо для получения бронзы и золота, на северо-западе Иберийского полуострова позволяют допустить, что финикийцы в своей экспансии по побережью португальского Альгарве и устьям рек Садо, Тахо и Мондего добрались до этого региона. М. Пельисер опирается на мало цитируемый текст Гекатея Милетского (VI в. до н.э.), который называет Кадикс рынком, поглощавшим олово Касситерид и серебро Тартесса, которое, в свою очередь, могло прибывать из Асналкольера, Техады, Альмонте, Ньеблы и Уэльвы.

Касситериды упоминаются Геродотом (III. 115), Страбоном (II. 5. 15; III. 2. 9; 5. 11), Диодором (III. 38) и Мелой (III. 47). М. Пельисер располагает их в районе между Миньо и мысом Финистерре. Он комментирует и другие сведения об олове, которые содержатся у Страбона (III. 2. 9). Особого внимания заслуживает сообщение Страбона (III. 5. 11) о том, что финикийцы торговали с галлийско-португальской Атлантикой вплоть до Финистерре. Эти сведения позволяют М. Пельисеру локализовать Касситериды в дельте рек Вито, Понтеведры, Аросы, Нолы и Коркубона. Если верить Плинию (HN. XXIV. 156), олово добывалось повсеместно на западе Иберийского полуострова.

⁴⁹ Blázquez J.M. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente // Los enigmas de Tarteso / Ed. J. Alvar, J. M. Blázquez. Madrid, 1993; Blech M. Tartessos / Ed. M. Blech, M. Koch, M. Kunst. Hispania Antiqua. Mainz, 2001. S. 305–348; Torres M. Tartessos. Madrid, 2002; Tartessos, Arqueología protohistórica del Bajo Guadalquivir I–II / Ed. M. E. Aubet. Sabadell, 1989; Argantonio, rey de Tartessos / Ed. C. Aranegui. Sevilla, 2000. X. Хименес (Jiménez J. La torfútica de la Península Ibérica. Madrid, 2002) защищает тезис о том, что бронзовые изделия были импортными.

⁵⁰ García y Bellido. Historia de España. España protohistórica I, II. Madrid, 1975. P. 281–308.

⁵¹ Luzón J.M., León P., Blanco Freijeiro A. Opera minora selecta. Sevilla, 1996. P. 29–92, 153–208.

⁵² Pellicer M. El proceso orientalizante en el occidente Europeo // Huelva Arqueológica. 2000. XVI. P. 91–134. Абсолютно новой является рабочая гипотеза А. Мадероса Руиса и Л. Руиса Кабреро (Maderos Ruiz A., Ruiz Cabrero L. Los inicios de la escritura en la Península Ibérica. Grafitos en cerámicas del Bronce Final III y fenicias // Complutum. 2001. 12. P. 96–11), базирующихся на серии графитов, обнаруженных на керамике из Кабесо де Сан Педро, Пуэрто де Уэльва, Эль Карамболо, Серро Макарено, Пенья Негра и Медельян и выполненных финикийскими буквами. Эти находки позволяют считать, что тартессийское письмо произошло от финикийского, и это вполне логично.

Золотом, как свидетельствует Страбон, были богаты реки Лузитании (Ш. 3. 4), а Плиний особо выделяет бассейн Тахо (HN. IV. 115). В Алентехо Бахо и Альгарве этот драгоценный металл имелся в малых количествах или вообще отсутствовал. Финикийцы должны были иметь интерес к атлантическому золоту и, безусловно, к янтарю, которым изобиловало побережье. Предметом обмена финикийцев с народами севера (Иберийского полуострова. – *Прим. переводчика*) могла быть соль, наряду с керамикой и изделиями из бронзы, о чем сообщает Страбон (Ш. 5. 11).

М. Пельисер подверг изучению пути распространения финикийской торговли. Он не уверен, что следует базироваться на сети дорог римского времени, чтобы говорить о проникновении финикийцев в ориентализирующую и тартессийскую эпохи по оси «север–юг», из долины Гвадалквивира в долину Гвадианы, так как барьером служила Сьерра Морена. На Западе полуострова пути проникновения должны были располагаться в направлении «запад–восток», а не «север–юг». Реки типа Гвадианы, Садо и Тахо, а также впадина, которая доходит от португальского Алентехо до Пласенции, протяженностью более чем в 500 км и ориентированная с юго-запада на северо-восток, давали в ориентализирующий период хорошие возможности для проникновения в металлоносные районы с их залежами олова, золота и железа.

В Португалии финикийская колонизация в эпоху поздней бронзы обосновалась на туземном субстрате. Север и центр страны на заключительном этапе этого периода, вытеснившего фазу атлантической бронзы (1000/900–700 гг.), и особенно в 700–600-е годы до н.э. были подвержены влиянию культуры Месеты и финикийцев. Особенно заметным это воздействие было в эпоху поздней бронзы (приблизительно 700-е годы до н.э.) на юге Португалии, от Гвадианы до Мондего. Этот регион оказался включенным в средиземноморское койнэ эпохи колонизации и в ориентализирующий период.

На современном уровне исследования проблемы трудно определить, являлись ли финикийские поселения на побережье Португалии и в устьях ее рек, характеризующиеся обилием финикийского материала, колониями, факториями, торговыми портами финикийцев или же они были просто сильно ориентализированными туземными поселениями. Франкенштейном было высказано предположение о том, что в Португалии финикийские колонии отсутствовали; М. Пельисер (и мы полагаем справедливо) отрицает этот тезис. По его мнению, финикийские поселения типа Сетубала, Альмараса, Се де Лисбоа, Альковы де Сантарем датируются, скорее всего, временем начиная с 700-х годов до н.э. или несколько ранее, с 650-х годов – Абул и Санта Олайя, с 600-х годов – Серро де ла Роча Бранка.

Ориентализирующий период на Западе означал изменения в урбанизме; вместо домов, которые были круглыми в плане, начали возводить прямоугольные, их стали строить из камня и сырцового кирпича. Произошло вытеснение ингумации обрядом кремации. Появилось железо. Наиболее важными поселениями этого ориентализирующего периода должны были быть Алькосер до Сал, Сеговия, Азугада, Медельин, Сине и др. С конца VII в. до н.э. в Альгарве и португальском Алентехо (и спорадически в Касересе, Бадахосе, Севилье и Уэльве) найдены 82 погребальные стелы, содержащие надписи и сопутствующие курганам.

М. Пельисер заключает, что ориентализирующий период Экстремадуры – это продукт финикийской колонизации побережья португальского юга и юго-

востока, проникшей в этот регион по естественным путям вдоль рек Садо-Гвадиана и Тахо. Этот культурный горизонт параллелен и аналогичен тартессийскому, однако он отличался от него и терял свою силу по мере проникновения (на протяжении VI в. до н.э.) вглубь Западной Месеты. Спорадическими были такие предметы, как, например, кувшин из Коки (Сеговия), жаровенки из Ла Осеры и Санчорехи (Авила), фемиатерион из Фрага (Талавера де ла Рейна) и чаши из Бельвиса де ла Хара (Талавера де ла Рейна).

Ориентализирующий период западной части Иберийского полуострова проявляет себя на уровне поселений и некрополей (наряду с изменениями в их структурах) – в новой технологии изготовления изделий, ввозившихся (в процессе обмена с финикийцами) с атлантического побережья на протяжении VII–VI вв., или их имитаций, начавших появляться с VI в. до н.э. Известны различные виды этих изделий – драгоценности, страусовые яйца, изделия из слоновой кости, стеклянной пасты, янтаря, краснолаковая расписная и сероглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге, и транспортные амфоры. На стенах юго-запада Иберийского полуострова появляются гравированные изображения таких заморских предметов, как колесницы, зеркала, гребни, фибулы, оружие, щиты и одежда.

Ювелирные изделия ориентализирующего стиля найдены в 20 поселениях, при их наибольшей концентрации вдоль дороги рек Садо-Гвадиана. Это составляет наибольшее число предметов ювелирного искусства, найденных на западе полуострова (32%). Бахо Алентехо и бассейн Тахо дают 21% и бассейн Дуэро – 26%. В португальском Альгаре и к северу от реки Миньо процент находок минимален (0.5%). Дорога, проходившая вдоль побережья рек Садо-Гвадиана, должна была являться наиболее важной во взаимообмене, что объясняется изобилием олова в окрестностях Мсриды, Монтанчеса и Логросана. Проникновение ювелирного ремесла в Бахо Алентехо и в бассейн реки Тахо было сопряжено, вероятно, с наличием месторождений серебра и меди в первой зоне и олова – во второй. Ювелирное дело в бассейне Дуэро должно было зависеть от запасов олова в Сьерра де Борнес, Гуарде, Рио Агеда и т. д., а также от золота рек Альва, Халес, Тресминас и др.

Что касается тореvтики, то на западе полуострова найдено девять бронзовых кувшинов и 56% из них локализуется в междуречье Садо-Гвадианы, в бассейне Тахо – 33% и по течению Дуэро их обнаружено 11%. Аналогичные пропорции дают другие материалы этой же категории – фемиатерионы и жаровенки (обнаружено по 6 экз.). Суммированные с кувшинами, они составляют в общей сложности 21 изделие, 52% из которых локализуется в бассейне Садо-Гвадианы, 5% – в бассейне Тахо, 1% в долине Мондего и 4% – по течению Дуэро. Коленообразные фибулы типа Уэльвы были ввезены из Сицилии (или происходят от сицилийских), вероятно, не ранее IX в. Фибула с двойной пружиной имеет своими прототипами южноиталийские и сицилийские образцы IX в. Финикийцы начали их импортировать с VIII в. до н.э., и они получили большое распространение на Западе, особенно в VIII–VI вв. Они ввозились на Запад по Садо и Тахо, а в Экстремадуру и Месету – по Тахо. Поясные пряжки ориентализирующего стиля часто встречаются в слоях VII–VI вв. бассейнов этих же рек. Страусовые яйца пока что обнаружены лишь в Алькосаре до Сал. Изделия из стеклянной пасты были распространены по всему западу полуострова. Краснолаковую керамику часто обнаруживают на побережье Альгарве, а финикийские амфоры, называемые мешковыми (*de saso*) и содержавшие продукты пи-

тания, были распространены по всему Западу. Наиболее обильная греческая керамика была найдена в Уэльве. Очень древним греческим сосудом является килик Эвклеяра, найденный в Медельине и датируемый 560-ми годами до н.э. Алфавит, которым пользовались создатели стел, по-видимому, произведен от финикийского.

М. Пельисер, основываясь на изложенном выше материале, приходит к выводу о том, что на западе Иберийского полуострова сформировался финикийский и ориентализирующий культурный ареал, – синхронный, с точки зрения времени, но отличавшийся от тартессийского, с одной стороны, и юго-восточного региона и иберийского Леванта, с другой. Все эти зоны поддерживали между собой контакты. Различались же они своими поселениями, некрополями, определенными типами керамики и стелами с надписями. Поселения западного ареала были укреплены, в то время как тартессийские не имели стен. В некрополях запада доминируют круглые в плане курганы небольших размеров или ямы с помещенными в них ящиками-гробами с крышками. В Тартессе было принято возводить насыпную конструкцию, округлую по форме и защищенную камнями. Иногда большие по размерам тартессийские курганы возводились над гробницами с ингумацией, как, например, в Сетефилье (Севиля), или над *ustrinae* (Лас Кумбрес). Финикийской керамики одинаково много в обоих регионах. В западном отсутствует полихромная расписная (с архаическими ориентализирующего типа изображениями) VIII–VI вв. до н.э. Все эти соображения позволяют заключить, что на португальском побережье, от Гвадианы до Мондего, есть явные следы финикийской колонизации. С 500-х годов до н.э. этот культурный ориентализирующий ареал, видимо, начал свое продвижение по двум направлениям – в сторону кельто-иберийского запада и северо-запада полуострова, во-первых, и турдетанского юга и востока, во-вторых.

Процесс ориентализации полуостровного Запада в науке определяется как процесс его «тартессизации».

ТАРТЕССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ Д. РУИСА МАТА

Как уже отмечалось, этот автор – противник теории семитской предколониализации Запада⁵³. От этой эпохи известно мало поселений и ни одно из них не раскопано в полной мере. Однако есть сведения об их социальной и экономической организации. Тартесс должен был являться монархией или царством. В культуре, видимо, существовала преемственность, без разрывов и особых изменений. Период XIII–XII вв. до н.э. характеризовался керамикой с отогнутыми наружу венчиками, не исчезнувшей вплоть до IX в. до н.э. Развитие культуры второй половины II тыс. до н.э. было сопряжено с демографическим регрессом, редкими поселениями, архаичностью урбанизма, плохо выполненными артефактами и такими захоронениями, которые по типу являются гораздо более племенными, нежели принадлежащими к эпохе государственности. Эти захоронения – Уэльва (Андебало), Севиля (Эль Гандул) и Кадикс – совершены на основе обряда ингумации и содержат скромный погребальный инвентарь.

Такая материальная реальность не соответствует Тартессу как городу, стране, монархии и каким-либо сложным и иерархизированным социально-экономическим структурам. На основе этих данных Д. Руис Мата заключает, что Тартесс не представлял собой какого-либо этносоциального единства в

⁵³ *Ruiz Mata*. *Protohistoria de la Península Ibérica*. P. 1–190.

эпоху, предшествовавшую появлению финикийцев. Мы считаем это утверждение удачным. Тартесс занимал, видимо, территории современных провинций Кадикс, Уэльва и Севилья. С IX в. до н.э. ощущаются изменения в материальной культуре и в захоронениях. Это была та обстановка, которую встретили финикийцы по прибытии на Запад. С этого времени растет число захоронений, наблюдается процесс их иерархизации и концентрации по побережью Кадисского залива. Иерархизируется и территория.

Древнейшая фаза представлена поселениями Валенсиана де ла Консепсьон, Уэльва, Сан Бартоломе де Альмонте, Кампиг, Эль Карамболо и др. Некоторые из них хорошо защищены самой природой. С начала I тыс. до н.э. документируется тип поселения, который соответствует экономике металлургии, скотоводства и земледелия и ориентируется на торговлю производимой продукцией. С этого времени наблюдается активность в металлургической деятельности. Из всех этих данных, предоставленных археологией, Д. Руис Мата делает заключение о существовании тартессийского культурного ядра, располагавшегося в долине (реки Гвадалквивира. – *Прим. переводчика*), с хорошей коммуникацией и богатой экономикой. Крупный металлургический центр находился, видимо, в Лас Сьеррас де Уэльва, а житница – на берегах Гвадалквивира. Городская организация, в подлинном смысле этого слова, не прослеживается. С IX в. до н.э. (или с начала следующего столетия) фиксируется внедрение новых погребальных обрядов, как, например, захоронения в курганах. Трупы кремируются в *ustrinae*, и их прах просеивается. Основой экономики является скотоводство. Происходят важные изменения в социальной сфере.

Гробницы в некрополе Сетефилия указывают на существование власти локальных правителей типа *reguli*, которые отличаются от носителей обряда кремации. Какая-либо военная структура отсутствовала. Население объединялось, видимо, в кланы. Известны коллективные захоронения. Экономика Тартесса, как уже отмечалось, была земледельческой, скотоводческой и металлургической.

С точки зрения Д. Руиса Мата, финикийская колонизация полуострова – это процесс аккультурации его населения, и это мнение представляется резонным. Первые следы пребывания финикийцев, как считает автор, относятся ко времени не ранее IX в. до н.э. Морро де Мескитилья – это их древнейшее поселение, возникновение которого датируется, вероятно, 750-ми годами. Оборонительная каменная стена Уэльвы была как бы «впущена» в среду обитания туземцев. Первые контакты между финикийцами и туземцами строились на системе даров. Они были мирными. Пришельцы эксплуатировали серебряные копи, занимались сельским хозяйством и осуществляли монополию на торговлю. Кадикс был, по всей видимости, городом-государством.

С конца VIII в. до н.э. в туземных обществах начинаются изменения, обусловленные внедрением новых технологий. Появляются железо и такие техники его обработки, как плавка и ковка. Начинается усовершенствование технологии извлечения серебра, хотя специальных форм для этого еще не было.

Финикийцы не осуществляли прямого контроля над рудниками. В торевтику и ювелирное дело был внесен важный вклад. В процессе концентрации туземного населения зародились новый вариант урбанизма и режим вожества. Произошло разделение труда и его специализация. Выделилась внешняя торговля. Шахты холма Соломона работали на основе техники, привезенной с Востока. Урбанизм этого поселения также был восточным по своему типу.

Одним из финикийских городов является Кастуло де Донья Бланка. Поселение Сан Бартоломе, подобно Техаде ла Бьехе, со второй половины VIII в. до н.э. занялось металлургией серебра. Это производство было хорошо организовано и отрегулировано в Уэльве и Кадиксе. Первый финикийский импорт, по мнению Д. Руиса Мата, наблюдается с VIII в. до н.э. Ремесла были хорошо развиты, и существовал большой спрос на их продукцию.

ФИНИКИЙЦЫ И ГРЕКИ У ИСТОКОВ ФИНИКИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА ЗАПАДЕ

Недавно, в 2000 г., А. Домингес Монедеро⁵⁴ и П. Кабрера⁵⁵ исследовали проблему взаимоотношений финикийцев и греков в эпоху генезиса финикийской колонизации на Западе.

Первый автор – в поиске решений – изучает другие случаи, которые пролили бы свет на то, что могло иметь место на Западе. В частности, ее внимание привлекают Питекуссы, где, как предполагается, эпохе вражды предшествовал период мирного сосуществования и сотрудничества обоих восточномедитеранеоморских народов, начавшийся во второй половине VIII в. до н.э. Пользуясь островным путем, финикийцы устанавливали тесные связи с горными районами Этрурии. Их особенно интересовало серебро. А. Домингес Монедеро полагает, что греки и финикийцы еще в первой половине VIII в. до н.э. приняли участие в эксплуатации месторождений на Сардинии. В Карфагене также есть следы пребывания нескольких поколений греков из числа первых колонистов. Греческий импорт в Карфагене VIII–VII вв. указывает на причастность к нему греческого мира Центрального Средиземноморья с особо важной ролью Питекусс. Фукидид пишет, что первыми на Сицилию прибыли финикийцы и вслед за ними – греки (VI. 2. 6). Что касается Иберийского полуострова, то в настоящее время признается тот факт, что финикийцы появились раньше греков по крайней мере на два столетия; это мнение разделяем и мы.

На Иберийском полуострове доказательства греческого участия в первоначальной колонизационной деятельности финикийцев, в отличие от Питекусс, весьма немногочисленны. В Кастильо де Донья Бланка найдено несколько образцов греческой керамики второй половины VIII в. до н.э., в Уэльве также есть ряд фрагментов, наиболее ранний из которых, относящийся к аттической пиксиде, датируется второй четвертью VIII в. до н.э. Ко второй половине VIII в. принадлежат два эвбейских скифоса, а к его концу – фрагмент тулова котилы. Предполагается, что эта греческая керамика была привезена финикийцами и, вполне возможно, она была связана с Питекуссами.

Тосканос (на побережье Малаги) является тем финикийским центром, который дал наибольшее количество греческой керамики, датируемой второй половиной VIII – началом VII в. до н.э. Это, прежде всего, котилы раннего про-

⁵⁴ *Domínguez Monedero A. Fenicios y griegos en Occidente. Modelos de asentamiento e interacción. Contactos en el extremo de la oikumene. Los griegos en Occidente y sus relaciones con los fenicios // Fenicios y griegos en Occidente. Ibiza, 2000. P. 19–59.*

⁵⁵ *Cabrera P. Cerámicas griegas y comercio fenicio en el Mediterráneo Occidental // Fenicios y griegos en Occidente. P. 61–86. О торговле металлами на Западе см. Mederos A. Ex Occidente Lux. El comercio micénico en el Mediterráneo Central y Occidental (1625–1100 a. C.) // Complutum. 1999. 10. P. 29–266. А. Медерос считает, что керамика из Льянете де Лос Морос (Кордоба) – это первые хорошо документированные свидетельства той торговли в Западном Средиземноморье, которая была ориентирована непосредственно на Иберийский полуостров из Восточного Средиземноморья (Левант, Кипр) и Эгеиды (Южная Греция).*

токоринфского стиля, изготовленные как в Коринфе, так и в Питекуссах. Амфоры, содержавшие, вероятно, оливковое масло, число которых невелико, происходят от восточных греков и используются в качестве доказательства греческого присутствия в Тосканосе. Однако предполагается, что финикийцы могли приобрести эти амфоры на Питекуссах. Две протокоринфские котилы были найдены в некрополе Алмуньекара и датируются Ф. Матцем временем около 672 г. до н.э.

В Ла Фонтете, поселении конца VIII в. до н.э., обнаружены фрагменты двух коринфских кубков типа *Thapsos*, несколько протокоринфских котил и фрагменты амфор типа *SOS*. Все изделия связаны с Питекуссами и являются предметами роскоши, которыми пользовалась финикийская элита в личных целях либо ради обмена с туземцами. В Тосканосе (а также в Кастильо де Донья Бланка, Серро дель Вильяр, Ла Фонтета и за пределами Испании – в Карфагене, Мотии, Сульчи, на Мальте) есть многочисленные финикийские подражания греческим сосудам. Их датировка является спорной – конец VIII в. до н.э. или начало VII в.

Часто встречаются греческие скифосы. А. Домингес Монедеро полагает, что происхождение этого типа керамики следует искать в тех регионах, которые в одинаковой степени привлекали финикийцев и греков, имевших там общие интересы или являвшихся участниками совместных предприятий. Финикийцы с конца VIII в. до н.э. и на протяжении всего VII столетия использовали этот тип сосудов. На Питекуссах блюда для еды, изготовленные на месте и в греческом стиле, как будто бы происходят от финикийцев, что доказывает наличие тесных контактов финикийцев и греков на протяжении VIII в. до н.э. Также можно допустить, что кубки греческих форм изготавливались по заказу любителей пить вино из греческих сосудов. На керамике из нижнего течения Гвадалквивира, датируемой VIII в. до н.э., можно обнаружить следы влияния греческой керамики геометрического стиля (формы, декор). Этот феномен стал общим, как об этом свидетельствует пример Италии.

А. Домингес Монедеро считает, что попытка противопоставить финикийский и греческий варианты активности на Западе, отделить торговую деятельность от колониальной принадлежит к разряду надуманных. Финикийцы использовали различные механизмы – от стремления ряда центров контролировать территорию до интеграции в туземную среду или в греческое пространство, как это произошло на Питекуссах.

Очевидно, что в плаваниях по Средиземноморью (Восточному и Западному) первыми из греков были жители Эвбеи. Предводительствуемые аристократиями – гиперботами Халкиды (Herod. V. 77) и гиппиями Эретрии (Arist. Ath. Pol. 152), – они прибыли на побережье Тиррении, Сицилии, Сардинии и на Питекусы. На протяжении VIII в. эвбейские мореплаватели поддерживали тесные контакты с финикийцами. По мнению А. Домингеса Монедеро, изменения во взаимоотношениях между ними (первоначально мирных) должны были начаться с середины VIII в., когда обе стороны вносят изменения в свою практику с целью закрепления за собой определенных торговых зон. Возможно, что инициатива исходила от финикийцев, которые начиная со второй половины VIII в. до н.э. ускорили процесс основания собственных городов в Центральном и Западном Средиземноморье. С этого времени в ход колонизации – помимо Коринфа и Эвбеи – включаются другие греки, основывавшие новые города, которые воспроизводили образ жизни метрополий.

Финикийцы развили модель территориального внедрения. Места ведения торговли облегчали встречи между обеими группами – финикийцами и греками. Мы полностью разделяем эти соображения А. Домингеса Монедеро.

П. Кабрера считает, что для VIII–VI вв. до н.э. следует говорить не о греческой торговле, а о том, что греческий импорт входил в финикийскую торговлю, что представляется весьма вероятным. Исследовательница подвергла каталогизации и анализу греческий материал, обнаруженный на дальнем Западе: 1. Аттическая пиксида из Уэльвы 770–760-х гг. Является наиболее древним аттическим сосудом Запада. В Центральном Средиземноморье аттических сосудов этого же времени не обнаружено. Наиболее древними были, вероятно, эвбейские скифосы. 2. Эвбейские скифосы. Три фрагмента найдены в Уэльве и Кастильо де Донья Бланка. Известны они и в Италии (Рим, Капуя, Вейи и Кастеллучо), а также в Карфагене (11 экземпляров). 3. Фрагмент кубка типа *Thapsos* из Ла Фонтеты. Он коринфского производства второй половины VIII в. до н.э. 4. Протокоринфские котилы. Найдены в Уэльве и Тосканосе в слоях, датируемых 725–685, 685–660, 660–640 и 620-ми гг. до н.э. Известен один фрагмент VII в., происходящий из одной из питекуссанских мастерских. Фрагмент из Серро дель Пеньон датируется, вероятно, второй четвертью VII в. Образцы из Ла Фонтеты относятся к 720–670-м гг. 5. Коринфские амфоры. Один фрагмент из Кастильо де Донья Бланка датируется последней четвертью VIII в. Амфоры со склада Тосканоса относятся к 723–685-м гг., но есть экземпляры и 685–620-х гг. 6. Амфоры *SOS* из Аттики. Их типы предшествуют времени конца VII – начала VI в. до н.э. Экземпляры из Тосканоса датируются 685–620-ми гг., из Ла Фонтеты – между 720–670-ми гг. Они прибыли на Запад одновременно с протокоринфскими котилами, эвбейскими скифосами и чашей *Thapsos* конца VIII – начала VII в. 7. Чернолаковые амфоры. Они обнаружены в Тосканосе (относятся к концу VIII – концу VII в.) и один экземпляр в Гвадалорсе. Они происходят, вероятно, из Восточной Греции. 8. Хиосские амфоры. Образцы, найденные в Тосканосе, датируются 685–620-ми гг. Этот тип продолжает использоваться вплоть до первых десятилетий VI в. (Тосканос, Уэльва, Ла Фонтета). 9. Самосские амфоры. Происходящие из раскопок Тосканоса соответствуют 685–620 гг., а из Уэльвы – фокейской эпохе. 10. Другие восточногреческие амфоры. Они появились в Тосканосе до прибытия фокейцев, в 675–640-е гг. Один фрагмент относится к 620-м годам. 11. Чаши с птицей. Найденные в Тосканосе происходят из Восточной Греции и датируются соответственно периодами между 650–625-ми и 630–600-ми гг. до н.э. Экземпляр из Гвадалорсе относится к концу VII в. до н.э. или к началу VI столетия. 12. Финикийские имитации греческих скифосов обнаружены в Тосканосе, Аларконе, Серро дель Пеньон, датируются в своем большинстве VII в. до н.э. Экземпляр из Ла Фонтеты относится к 750–670-м годам до н.э.

П. Кабрера выделяет несколько горизонтов торговой деятельности в Средиземноморье в VIII–VII вв. до н.э.

Горизонт I. Это первая половина VIII в. Уже упомянутая аттическая пиксида – наиболее древний греческий керамический сосуд Запада. В этом регионе вся самая ранняя греческая керамика является эвбейской. Это скифосы трех типов. Они локализируются в Этрурии, Кампании, Лации, Сицилии и Сардинии. Скифосы, характерные для первой волны греческой экспансии на Западе, не выявлены на Иберийском полуострове. Из этого факта П. Кабрера приходит к выводу о том, что финикийская торговля, с которой ассоциируется прибытие аттического сосуда в Уэльву, не была связана с центральносредиземноморским

кругом финикийских торговцев, а осуществлялась, видимо, по тому пути, который соединял финикийские колонии с Восточным Средиземноморьем. Он мог происходить с Кипра. С каждым днем становится все более очевидным сотрудничество финикийцев и греков. Эвбейская экспансия шла буквально вслед за финикийской. В первой половине VIII в. до н.э. в Центральном Средиземноморье оказались две торговые державы. Как финикийцы, так и греки стремились к возрождению торговли металлами, начавшейся в конце II тыс. до н.э., – торговли, которая соединила атлантический ареал с Восточным Средиземноморьем. Процесс «реактивации» совпал со стремительным спадом торговли бронзовыми слитками, которая доминировала в X–VIII вв. до н.э., и со спросом на железо и серебро.

Горизонт II (725–670-е гг.) характеризуется появлением на Иберийском полуострове эвбейских скифосов с изображением двух птиц, котил эпохи расцвета протокоринфского стиля, кубка *Thapsos*, чернолаковых амфор, коринфских амфор и аттических амфор *SOS*. Импорт связывается с Центральным Средиземноморьем. Финикийское присутствие в Италии становится все более очевидным. Регистрируется сотрудничество финикийцев и греков, как это было и в Восточном Средиземноморье. Существует торговая кооперация между финикийскими поселениями Центрального и Западного Средиземноморья.

Во второй половине VIII – первые годы VII в. до н.э. финикийцы и другие восточные торговцы, эвбейцы и коринфяне, воспользовались уже существовавшими центрами, чтобы начать применение новых видов сырья и новых технологий и сформировать спрос на металлы, оливковое масло, вино и ремесленную продукцию. Эти торговцы оказывают влияние на организационные структуры туземных обществ как в Этруррии, Сардинии, Кампании, Лации и Сицилии, так в Тартессе и на Сардинии, ускоряя процессы трансформации туземных обществ и порождая власть аристократии.

Горизонт III (670–620-е гг.). Он связан с появлением котил эпохи расцвета среднекоринфского стиля, аттических амфор *SOS*, амфор Коринфа и Восточной Греции и в конце периода – сосудов с изображением птицы из Родоса. Эта керамика отсутствует в Тартессе. Она концентрируется в финикийских поселениях Малаги и Аликанте. Эвбейской продукции нет. Исчезают связи с Питекусами. В то же время начинают прибывать амфоры из Восточной Греции. Греческая торговля не прерывается в середине VII в. до н.э. Масло и вино в большинстве случаев должны были прибывать из греческого мира. Происходят изменения в торговом обмене. В торговлю включились греки Востока. Финикийцы посещали торговые центры (греческого). – *Прим. переводчика*) Востока еще до начала VIII в. до н.э. VIII столетие ознаменовалось великой экспансией, поиском природных ресурсов, как, например, железа и серебра.

ГРЕКИ НА ЗАПАДЕ

Античные авторы сохранили имена некоторых греков, побывавших на Западе и вернувшихся домой на кораблях, нагруженных металлами. Эти сведения указывают на истинные мотивы древнейших плаваний.

Первым греком, посетившим Запад, был Колей Самосский, корабль которого во время плавания в Египет из-за сильных ветров сбился с курса и прибыл к берегам Тартесса. Самосские мореходы получили большую прибыль и пожертвовали Герейону на Самосе 10% своего дохода, т.е. 155,5 кг серебра, в виде большого бронзового котла типа аргосских кратеров с грифонами, укра-

шавшими его венец. Котел опирался на три бронзовых колосса семилоктевой высоты. Геродот должен был видеть этот кратер или посвятельную надпись, связанную с ним (IV. 152). Плавание состоялось в 625-х годах до н.э. Геродот собрал в своем пассаже и другие важные сведения о том, что до плавания Колея западный рынок не использовался греками. Это подтверждает тезис о прибытии сюда всей греческой керамики «доколсовой» эпохи на финикийских кораблях и о том, что Сострат Эгинский оказался на Западе еще более удачливым, чем Колей (см. Herod. IV. 152). Дата его плавания неизвестна, однако можно считать, что оно состоялось немногим позже Колеева. Плиний сообщает, что Мидакрит был первым, кто привез на Восток олово Касситерид (HN. VII. 197). Хронология этой экспедиции также неизвестна, но она вполне могла совпасть по времени с двумя другими плаваниями. Павсаний (VI. 19. 12) – со ссылкой на жителей Элеи – оставил другое важное сведение о том, что сокровищница, сооруженная в Олимпии по желанию Милона и народа Сикиона в 600-х годах до н.э., состояла из бронзы, весившей 500 талантов и происходившей из Тартесса.

ПАДЕНИЕ ТАРТЕССА

Недавно, в 2002 г. была подвергнута изучению проблема упадка Тартесса в Уэльве, распространившегося, вероятно, на другие регионы юга⁵⁶.

Конец Тартесса и зарождение турдетанской культуры относятся к последней трети VI в. до н.э. Симптомы кризиса на территории Тартесса носили общий характер. Кризис мог мало варьироваться в тех или иных конкретных зонах. Считается, что события на Востоке, приведшие к упадку Тира, отразились на истории Западного Средиземноморья, о чем свидетельствует исчезновение Тосканоса или Ла Фонтеты и тартессийского поселения металлургов в районе Сан Бартоломе де Альмонте. Упадок этих крупных поселений способствовал развитию кризиса, так как Уэльва на протяжении VI в. до н.э. имела хорошую экономическую ситуацию.

Ведущими составляющими кризиса явились внутренние факторы, например, заброшенность серебряных копей, так и не возродившихся в турдетанскую эпоху. Переход от тартессийского этапа к турдетанскому произошел медленно и последовательно, без потрясений. Осуществился переход от экономики, базировавшейся на добыче серебра, к коммерциализации продуктов рыболовства, скотоводства и земледелия.

Кризис больно ударил по другим поселениям, соседствовавшим с Уэльвой, например, по Техаде ла Бьеха, Альхаракс, Ньебле, Эль Карамболо, Эль Серро де Лас Кабесас, Сантипонсе. Эти поселения (за исключением первых четырех) были заброшены. Импорт аттических сосудов и амфор значительным образом сократился, однако не исчез в Уэльве. Резкое или почти полное падение греческого импорта в Уэльве наблюдается с 510 г. до н.э.

На Западе в ориентализирующий период не существовало ювелирного ремесла, которое было бы столь же значительным и высоким по своему художественному уровню, как в Этрурии (например, ювелирные изделия, помещенные в гробницы Бернардини второй четверти VII в. до н.э., Барберини – этого же времени, Реголини Галасси – приблизительно 650-х годов, Литторы из Ве-

⁵⁶ Rufete P. El final de Tartessos y el período turdetano en Huelva // Huelva Arqueológica. 2002. XVII.

тулонии – 630-х годов, Джессери из Вольтерры – третьей четверти VII в., Ау-рели – II, Болонии – последней четверти VII в.⁵⁷

Так завершается история Тартесса и его взаимоотношений с финикийцами и другими народами Восточного Средиземноморья. Таковы основные проблемы и достижения в истории изучения современным антиковедением Испании «загадки» Тартесса и истоков финикийской колонизации*.

ORIGINES OF THE PHOENICIAN COLONIZATION IN THE WESTERN MEDITERRANEAN AND THE KINGDOM OF TARTESSOS. THE STATE OF THE PROBLEM

J. M. Blázquez Martínez

The author presents a historiographical survey of the problem of the Phoenicians' commercial and colonial activity on the Iberian Peninsula, of their contacts with Tartessos and its allies, the Greeks. Special attention is paid to the analysis of the modern approaches to the problem of the so-called Phoenician pre-colonization, as well as to the geography, the essence, local peculiarities and the scope of Phoenician influence on the Iberian Peninsula. According to the author, the greatest achievement of the last decade is connected with the introduction of the term «Tartessization» and with defining the civilization of Tartessos as a variant of local culture which sprang up and existed on the vast territory in the South Pyrenean Peninsula from Alicante in the east to the Atlantic coast in the west under various influences of eastern and western Phoenicians in the 8th–7th centuries BC. An important part belonged also to the process of acculturation supported actively by the indigenous elites.

© 2004 г.

В. И. Козловская

КОМПЛЕКС КАНЧО РОАНО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ: РЕЗИДЕНЦИЯ ТАРТЕССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЯ ИЛИ КРЕПОСТЬ-СВЯТИЛИЩЕ?*

Со времени I симпозиума, посвященного Тартессу и его культуре (Херес, 1968)¹, испанским антиковедением достигнут большой прогресс в изучении тартессийской загадки. Главную роль в этом сыграла археология и, в первую очередь испанская, сумевшая учесть основной вывод симпозиума о необходимости интенсификации археологических изысканий на юге Пиренейского полуострова и использования современных методик анализа проблемы². Значительную лепту внесли также немецкие специалисты, имеющие свой Археологический институт в Мадриде и большой практический опыт работы.

⁵⁷ *Cristofani, Martelli. L'oro degli etruschi. P. 80–123, 254–275.*

* Перевод В.И. Козловской.

¹ Работа выполнена по индивидуальному исследовательскому проекту (грант РФФИ-2004. № 04-06-80095).

² *Tartessos y sus problemas // V Symposium Internacional de Prehistoria Peninsular. Jerez de la Frontera, septiembre 1968 / Ed. J. Maluquer de Motes. Barcelona, 1969.*

³ Об этом подробнее см. *Maluquer de Motes J. Tartessos y su historia // Tartessos y sus problemas. P. 406.*